

И. С. Воронцова

Концептуальная метафора в аргентинском политическом дискурсе

(на примере выступления президента Аргентины
К. Фернандес де Киршнер на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)

Ирина Сергеевна Воронцова,
аспирант МГИМО МИД России.
irin.vorontsova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается история развития дискурс-анализа, даётся определение понятиям дискурс, политический дискурс и метафора. Проанализированы основные современные подходы к изучению метафоры в европейской и отечественной лингвистике. Исследуются типы концептуальной метафоры (ориентационная, онтологическая, структурная), а также ее функции на основе когнитивного подхода. Метафора, номинирующая различные социально-политические действия, и явления на основе когнитивной картины мира, является неотъемлемой частью современного политического дискурса и обладает мощным образным и смысловым потенциалом, умелое применение которого помогает оратору реализовать свои речевые интенции и оказывать воздействие на аудиторию. Материалом для исследования послужило выступление президента Аргентины (2007-2015 гг.) К. Фернандес де Киршнер в ходе 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Ключевые слова: дискурсивная лингвистика, дискурс-анализ, политический дискурс, когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, концепт, картина мира.

Irina Vorontsova

Conceptual metaphor in Argentinian political discourse (based on the speech of the Argentinean President (2007–2015) C.Fernández de Kirchner during the 69th session of the UN General Assembly)

Abstract. The article reviews the history of discourse analysis development. The definitions of the terms discourse, political discourse and metaphor are given. The main contemporary European and Russian linguistic approaches to metaphor study are analyzed. The article also presents the analysis of the conceptual metaphor types (orientational, ontological, structural) in the political discourse, as well as its functions according to the cognitive approach. The metaphor nominalizing different socio-political actions and phenomena on the basis of the cognitive world picture is an integral part of the modern political discourse and contains vast imaginative and notional potential, the skillful usage of which helps the orator to carry out their speech intentions. The speech given by the Argentinean President (2007-2015) K. Fernández de Kirchner during the 69th session of the UN General Assembly has become the material for the study.

Key words: discursive linguistics, discourse analysis, political discourse, cognitive linguistics, conceptual metaphor, concept, the world picture.

Irina Vorontsova

Metáfora conceptual en el discurso político argentino (a base de la intervención de la Presidenta de Argentina, C. Fernández de Kirchner, en el 69º período de sesiones de la Asamblea general de la ONU)

Resumen. En el artículo a base de la investigación de la historia del desarrollo del análisis de discurso, se formulan definiciones de los conceptos de discurso, discurso político y metáfora. Se analizan los principales enfoques modernos para el estudio de la metáfora en la lingüística europea y rusa. Se examinan tres tipos de la metáfora conceptual (orientacional, ontológica, estructural), así como sus funciones basadas en el enfoque cognitivo. La metáfora que identifica diversas acciones sociopolíticas y los fenómenos basados en la visión cognitiva del mundo, forma parte integral del discurso político moderno y tiene una poderosa capacidad pragmática, cuya aplicación experta ayuda al orador a realizar sus intenciones discursivas con el fin de influir en el público. Como material del estudio se investiga la intervención de la Presidenta de Argentina (2007-2015), K. Fernández de Kirchner, pronunciada durante el 69º período de sesiones de la Asamblea general de las Naciones Unidas.

Palabras clave: lingüística discursiva, análisis de discurso, discurso político, lingüística cognitiva, metáfora conceptual, concepto, visión del mundo.

Статья посвящена когнитивному исследованию концептуальной метафоры в аргентинском политическом дискурсе. Материалом исследования послужил оригинальный текст ораторского выступления президента Аргентины К. Фернандес Кишнер в ходе 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [10].

Дискурсивная лингвистика – одно из перспективных исследовательских направлений в современном языкознании, интегрирующее достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики [14, с.14]. Центральный для этой научной парадигмы концепт «дискурс» (лат. *discursus*, фр. *discours*, англ. *discourse*, исп. *discurso*) представляет собой сложный и многозначный феномен и трактуется разными учеными-лингвистами как речь, процесс языковой деятельности, способ говорения или текст [9, с. 24]. Дискурс-анализ позволяет установить взаимосвязь социологического, культурного, межличностного и когнитивного аспектов власти, раскрыть суть взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением, а также выявить интенциональные диспозиции отдельных политиков – их ценностные доминанты, склонность к конфликту или к сотрудничеству, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира и определить манипулятивные стратегии, языковые средства и приемы, применяемые политиками в целях убеждения [14, с.17].

Основы дискурсивных исследований и методики дискурс-анализа были заложены в работах Э. Бенвениста [5, с. 139], Т. А. ван Дейка [7, с. 312], З. Харриса [20, с. 494–497], У. Чейфа [19, с. 392], Ю. Хабермаса [21, с. 233–260], Ж.-Ж.Куртина [11, с. 95–104], М. Фуко [19, с. 208], П. Серио [18, с. 337–383] и других исследователей.

Дискурс-анализ позволяет перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников политической коммуникации, за счет чего учеными также устанавливается взаимосвязь языка и идеологии. Под идеологией понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний и мнений, основанная на групповых ценностях. Обусловленные идеологией ментальные схемы субъектов политического общения определяют их вербальное поведение – стратегии, риторические приемы, импликации и пресуппозиции, речевые ходы и тематическую структуру дискурса [13, с. 18], который стал применяться в качестве самостоятельной научной категории именно в лингвистике. Рассмотрим разнообразные трактовки этого емкого и многопланового термина.

По мнению Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, прагматическими, психологическими и другими факто-

рами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное явление, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах); это речь, погруженная в жизнь» [1, с.136–137]. Таким образом, термин определяется как многоплановый феномен, находящийся под влиянием социальных, психологических и прагматических условий общения.

Т. А. ван Дейк определяет дискурс как «сложное единство языковой формы, значения и действия», соответствующее понятию «коммуникативное событие» в определенном временном и пространственном контексте. [7, с. 46]. Ю. Н. Караулов и В. В. Петров определяют дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [7, с. 8]. К. П. Зеленский определяет политический дискурс как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики»; «сумму речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений»; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [8, с. 34–40]. Таким образом, дискурс рассматривается как многоплановое коммуникативное явление, влияние на которое оказывает множество языковых и экстралингвистических факторов, а именно: когнитивная база, убеждения и цели адресантов.

В нашей работе мы будем придерживаться определения, представленного в работе М. В. Ларионовой, которая определяет дискурс в широком смысле как «коммуникативное событие, вербализирующее ментальность, а в узком смысле – письменный или речевой результат коммуникативного действия, который интерпретируется реципиентами и обладает как лингвистическими, так и экстралингвистическими характеристиками» [13, с. 31].

Одной из главных интенций политического дискурса является намерение осуществить скрытое убеждение. Для этого часто прибегают к концептуальной метафоре, которая служит одним из важных средств передачи и формирования идей. Аристотель первым обратил внимание на метафору как на способ переосмысления слова на основе сходства и дал определение этому понятию: «метафора – это перенесение слова с изменением значения из рода на вид, из вида на род, из вида на вид, или по аналогии» [2, 184 с.]. Испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет утверждал, что «метафора удлиняет руку интеллекта»: «для метафоры нужно, чтобы мы осознавали ее двойственность. Метафора служит не только наименованию, но и мышлению. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. (...) Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям». [16, с. 68]. Так, метафора связывает между собой две понятийные сферы, хорошо известную участникам коммуникации «сферу-источник» и новую концептуальную сферу – «сферу-мишень», выступая при этом в качестве инструмента моделирования действительности адресантом, транслирующим адресату определенное видение мира: «*la derrota financiera*» – «финансовое поражение» (сфера-источник – «война», область-мишень – «финансовая неудача»).

К метафоре Аристотель также причислял и другие виды тропов, такие как метонимия и синекдоха. Обратимся к лингвистическому словарю за определением: «*Метонимия*: англ. *metonymy*, фр. *métonymie*, нем. *Metonymie*, исп. *metonimia*. *Троп, состоящий в том, что вместо названия одного предмета, дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности»*, то есть в отношении процесс – результат, материал – изделие, одно на другом, объект знания – отрасль знания» [4, с. 91]. Например: «*agradeciendo y felicitando a la Asamblea General*» – «выражая признательность и поздравляя *Генеральную Ассамблею*». *Сочетание Asamblea General / Генеральная Ассамблея используется метонимически вместо «участники Генеральной Ассамблеи».*

«Синекдоха: англ. *synecdoch*, фр. *synecdoque*, нем. *Synecdoche*, исп. *synécdoque*. *Троп, состоящий в замене названия целого названием какой-либо его части, в названии частного вместо названия общего и наоборот»* [4, с. 159]. Например: «*Gracias a esos esfuerzos, la mujer hoy está en el centro de la nueva arquitectura del desarrollo y de la paz.* – *Благодаря этим усилиям, женщина сегодня занимает центральное место в архитектуре развития и мира.*». Лексема единственного числа *la mujer* / женщина функционирует в собирательном значении, называя не конкретного человека, а целый класс людей. Итак, синекдоха – частный случай употребления метонимии, заменяющей слова не по сходству (подобно метафоре), а по смежности понятий.

В современной лингвистике существует несколько подходов к изучению метафоры: структурно-семантический (семасиологический), в рамках которого метафора рассматривается как один из типов переносного значения, на основе сходства; функциональный (изучение структурно-семантических свойств метафоры); прагматический, где лексика рассматривается как система средств, предназначенных для создания экспрессивного эффекта и эмоционально-оценочной интерпретации действительности; когнитивный, основанный на метафоричности человеческого мышления. Именно этот подход представляется нам наиболее релевантным, поскольку целью работы является исследование когнитивных особенностей функционирования метафоры в политическом дискурсе.

Новизна теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, заключается в анализе метафоры как неотъемлемого элемента мышления, «основной ментальной операции, объединяющей две понятийные сферы и создающей возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [12, 238 с.]. В основе когнитивной теории метафоры лежит тезис о том, что процесс метафоризации происходит за счет обработки структуры знаний человека (фреймов и сценариев). Фреймы (*мыслимые в целостности их составных частей многокомпонентные концепты, объемные представления, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении*) [4, с. 16] и сценарии (последовательность нескольких эпизодов во времени; стереотипные эпизоды с признаком движения и развития: фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов и этапов) [4, с.17] служат своего рода остовом процесса метафоризации, заключая в себе опыт взаимодействия человека с окружающим миром; а метафоры, основанные на них, заложены уже в самой понятийной системе человека [12, с. 49], они отражают его сознание и концептосферу, «являющуюся информационной базой когнитивной картины мира этноса» [12, с. 20].

В рамках существующих классификаций метафор традиционно выделяют следующие её виды: ориентационные, строящиеся на пространственных оппозициях «верх — низ», «центр — периферия», «больше — меньше»; онтологические, упорядочивающие человеческий опыт и ассоциирующие деятельность, эмоции и идеи с организмами и веществами. Существует несколько типов онтологических метафор, при этом самая распространённая — метафора сущности (entity), которая рассматривает абстрактное через конкретное: «инфляция снижает уровень нашей жизни». Способ восприятия окружающего мира человеком определяется его опытом обращения с дискретными материальными объектами, а также его восприятием себя и своего тела. Человек — вместилище (*container*), и поэтому он воспринимает прочие сущности как вместилища с внутренней частью и наружной поверхностью. Метафора «вместилище» широко используется человеком для понимания событий, действий, занятий и состояний. Например: *погружаться в размышления, принимать участие в конференции*. К онтологическим метафорам также относится и метафора персонификации, или олицетворения, которая вербализирует неживые предметы и абстрактные понятия в терминах человеческих поступков и качеств: «чувство вины не даёт ему покоя» [12, с. 49]. Третий вид метафор — структурные. «Они лежат в систематических корреляциях между явлениями, фиксированными в нашем опыте» [12, с. 97]. В отечественной лингвистике теория концептуальной метафоры была значительно развита в рамках дескрипторной теории метафоры, разработанной А. Н. Барановым [4, с. 24–35], и в теории метафорического моделирования — А. П. Чудиновым [21, 238 с.].

Основными функциями метафоры являются: когнитивная (обработка информации), номинативная (фиксация знания при отсутствии у реалии краткого наименования, коммуникативная (передача информации), прагматическая (воздействие на адресата), изобразительная (образность и наглядность сообщения), инструментальная (метафора помогает адресату мыслить и формировать собственные представления о мире), гипотетическая (формирование предположения о сущности метафорически характеризуемого объекта), моделирующая (создание некоей модели мира для усвоения взаимосвязи между его элементами), эвфемистическая (передача информации автором без непосредственных номинаций), популяризаторская (передача сложной идеи слабо подготовленному адресату) [13, 238 с.].

Отметим, что в политическом дискурсе метафора функционирует не только как троп, выполняющая функцию наименования, но и как способ моделирования действительности, транслирующий адресату определенное видение мира, ведь зачастую в ораторских выступлениях политиков, явления окружающей действительности нуждаются не столько в объективной номинации, сколько в образном, экспрессивном обозначении, репрезентирующем ценностно-смысловые отношения автора.

Материалом для статьи послужило ораторское выступление президента Аргентины (2007–2015 гг.) К. Фернандес де Киршнер в ходе 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, главные тезисы которого затрагивают актуальные мировые проблемы, в частности терроризм и глобальный экономический кризис, а также влияние последнего на экономику Аргентины. С целью усиления образности речи и формирования необходимых ассоциаций в сознании аудитории, а также реализации главной задачи – скрытого убеждения слушателей оратор прибегает к различным стилистическим средствам, среди которых значительно выделяются метафорические конструкции, придающие речи экспрессивность и образность и выполняющие при этом целый ряд важных функций, подробный разбор которых приведен нами далее.

В речи президента Аргентины встречаются примеры ориентационной метафоры на основе оппозиции «верх-низ», выраженные лексемой «*profundamente*», за счет которой метафорическая конструкция приобретает большую образность и становится экспрессивнее: «*Por eso creo que es importante que reflexionemos **profundamente** acerca de estas cuestiones. – Поэтому я считаю важным **основательно** обдумать эти вопросы.*» «*Tenemos también que **adentrarnos profundamente** en las causas que movilizan.* – Также мы должны **основательно** осмыслить обстоятельства, требующие действий».

В последнем случае мы наблюдаем развёрнутую метафору, в которой идея движения вниз выражается при помощи двух лексических единиц – лексем «*profundamente*» – «глубоко» и «*adentrarse*» – «углубляться», что придает метафоре больше экспрессии и усиливает воздействие на аудиторию (реализация коммуникативной, прагматической и изобразительной функций). Кроме того, репрезентируется одна из семи узальных тенденций (*речевые нормы или «языковые привычки», отражающиеся в узусе конкретного языка*) испанского языка, выделенных В. А. Иовенко, а именно – адвербиальная, за счет которой «создается определенный стилистический эффект, глагол подчеркивается наречием, и фраза становится более энергичной» [6, с.128–135].

Второй схожий пример: «*El Gobierno que **encabezó** el Presidente Kirchner fue el que más **profundizó** y el que más hizo por develar quiénes eran los verdaderos responsables (de los atentados).* – Именно правительство Н. Киршнера **основательнее изучило** детали и сделало больше других, чтобы установить личности организаторов (терактов)». В данном случае концепт движения вниз передает идею «основательно подойти к рассмотрению какого-либо вопроса» и вербализируется через глагол «*profundizar*» – «углубить».

Политики, государство, а также их интересы зачастую репрезентируются в политическом дискурсе при помощи концептов «*высокий*», «*верх*», «*высота*», «*верхняя часть*». Так, глагол «*encabezar*» определяет положение президента Аргентины «над» правительством (прагматическая и изобразительная функции). При этом, обладая общим корнем с лексемой «*cabeza*», данный концепт может быть отнесен к физиологической метафоре, при моделировании которой областями-источниками служат части тела человека.

Лексема «*profundo*» встречается также в адъективированной форме в значении «более развитый»: «*No tenemos certezas, no tenemos verdades absolutas, pero tenemos muchos interrogantes y queremos preguntárselos a aquellos que poseen mucha más información y muchos más datos que nosotros, que cuentan con redes de información mucho **más profundas** que mi país.* – Мы не уверены, мы не знаем всей правды, у нас много вопросов, и мы хотим их задать тем, кто располагает большей информацией и большими данными чем мы, и тем, у кого есть **более развитые** информационные сети, чем у моей страны».

В приведённом высказывании прослеживается притяжательная тенденция речевой нормы испанского языка, реализующаяся за счет высокой частотности использования форм притяжательных местоимений в функции детерминатива, в нашем случае «*mi país*». Так носители испанского языка подчеркивают важность факта обладания вещами и предметами, а в нашем случае оратор использует данное средство для реализации тактики консолидации и создания образа единства правительства и народа, а также общности их целей и интересов (прагматическая и изобразительная функции).

Рассмотрим репрезентации концепта «движение вниз», реализуемые с помощью глаголов: «*Que nos hizo **reducir la pobreza y la indigencia** a un solo dígito. – Что заставило нас **сократить уровень бедности и крайней нищеты до однозначной цифры**.*» Лексемы *бедность* и *нищета* обладают отрицательной коннотацией, а действия любого государства традиционно направлены на борьбу с ними, поэтому при описании данных социальных явлений применяется концепт «движение вниз», то есть «уменьшение количества или сокращение уровня чего-либо» (реализация коммуникативной и изобразительной функций).

Концепт «движения вверх» зачастую применяется для репрезентации положительных тен-

денций в жизни общества, однако встречаются и оппозиции «верх — низ» для вербального обозначения возникающих трудностей: «*No podemos solamente ver la superficie de los fenómenos. — Мы должны видеть не только внешнюю сторону явлений*».

В основу данной метафоры, выполняющей изобразительную функцию, легло следующее представление: когда проблема находится где-то глубоко — она незаметна, но стоит ей подняться на поверхность, как она начинает привлекать внимание и требовать разрешения. В дополнение приведем ещё ряд примеров: «*Primero fue Al Qaida, y pregunto yo: Al-Qaida y los talibanes, de dónde aparecieron? ¿De dónde sacan los recursos? — Сначала была Аль-Каида, и я задаю вопрос: Аль-Каида и талибы, откуда они взялись? Где они достают средства?*». «*Después aparecieron los que iban a hacer la Primavera Árabe. — Затем появились те, кто в дальнейшем осуществил Арабскую весну*».

Приведём примеры концепта «движение вверх» с положительной коннотацией: «*Hayamos podido arribar a ese marco regulatorio de reestructuración de deudas soberanas para que a ningún otro país le pase lo que hoy le está pasando a la Argentina. — Нам удалось достичь этой нормативной планки реструктуризации государственного долга для того, чтобы ни с одной другой страной не произошло того, что происходит сегодня с Аргентиной*». «*Logramos remontar el “default”, logramos crecimiento social con inclusión, logramos desendeudarnos. — Нам удалось преодолеть «дефолт», мы достигли инклюзивного социального роста, нам удалось погасить задолженность*». Кризис сравнивается с препятствием, для преодоления которого необходимо подняться наверх.

При анализе пространственных метафор следует обратить внимание на концепт «середина». Так, при помощи лексемы «*en pleno*» — «в самый разгар» затянувшийся экономический кризис в Аргентине интерпретируется как промежуточный этап в развитии страны, ход которого сложно предугадать: «*En pleno “default” logramos desendeudarnos y hoy, además, tenemos un coeficiente de endeudamiento de los más bajos del mundo. — В самый разгар «дефолта» нам удалось погасить задолженность, и сегодня, ко всему прочему, наш процент задолженности один из самых низких в мире*».

Наблюдаются случаи употребления концепта «рядом — напротив»: «*Las instituciones de origen judío que nos acompañaron todos los años se volvieron de repente en contra*». — «Еврейские организации, поддерживавшие нас все время, выступили против нас». Положение «напротив» ассоциируется в политической коммуникации с оппозицией, поэтому объект, расположенный напротив нас, интерпретируется как оппозиционный, разделяющий иные политические убеждения.

Таким образом, ориентационные метафоры структурируют несколько пространственных областей и являются отражением культурного и физического опыта. Выделенные нами примеры метафорических моделей создаются за счет активации переносных значений наречий и глаголов в рамках концептов «движение вверх/вниз», «пребывание наверху», «середина». Основными функциями данных типов концептуальной метафоры являются когнитивная, коммуникативная, прагматическая и изобразительная.

Перейдем к примерам онтологической метафоры персонификации: «*Hoy el propio Fondo Monetario Internacional reconoce que el crecimiento económico realizado por la Argentina entre 2004 y 2011 es el tercero, a nivel mundial. — Сегодня сам МВФ признает, что уровень экономического роста в Аргентине в период между 2004 и 2011 годами — третий в мире*». «*Un país que tiene capacidad de pago, voluntad de pago y (...) va a pagar su deuda pese al acoso de estos fondos buitres. — Платёжеспособная страна, способная выплатить свой долг, желающая выплатить его, которая это сделает, несмотря на жесткое давление со стороны хедж-фондов*».

Встречаются случаи олицетворения предметов или абстрактных понятий. Экономический кризис, финансовые проблемы, турбулентности, происходящие в мире, а также хедж-фонды или «фонды-стервятники» («*fondos buitres*») предстают в роли врага или преступника, а взаимодействие с ними интерпретируется через концепт «война»: «*turbulencias que hoy sacuden al mundo, ponen en peligro la multilateralidad de la ONU*» — «турбулентности, сотрясающие сегодня мир, ставят под угрозу многосторонний формат ООН», «*crisis económica y financiera que se disparó, que aún persiste y que ahora comienza a amenazar a las economías emergentes*» — «разразившийся экономический и финансовый кризис, который длится до сих пор и уже начинает угрожать быстро развивающимся экономикам», «*fondos buitres, además, amenazan y hostigan a nuestro país*» — «фонды-стервятники, к тому же, угрожают нашей стране и истязают ее». «*No se combate el terrorismo haciendo sonar los tambores de la guerra. — Терроризм нельзя победить, стуча в барабаны войны*».

Перечисленные выше примеры демонстрируют интерпретацию существующих в жизни общества проблем, а также их влияния на человека, через концепт «враг»: «обезглавливать», «сотрясать мир», «подвергать опасности», «угрожать», «вынуждать кого-либо».

Ещё один тип онтологических метафор — метафоры сущности (осмысление абстрактного через конкретное): «*También llegamos a un arreglo con Repsol, cuando decidimos **recuperar el control de nuestros recursos energéticos**. — Также мы пришли к соглашению с Repsol, когда решили **восстановить контроль над** нашими энергетическими ресурсами». В метафорической конструкции «**восстановить контроль над** нашими энергетическими ресурсами» область-источник — «большая часть тела», над которой мы можем восстановить контроль в случае удачного исхода.*

Различные языки по-разному членят окружающую действительность, поэтому картина мира не совпадает у языковых коллективов, говорящих на разных языках. «Картина мира, согласно немецкой лингвофилософской традиции, основоположником которой является В. фон Гумбольдт, представлена в родном языке и воспринимается его носителями как нечто естественное. Пребывая во власти родного языка, человек оказывается в плену языкового реализма понятийного аппарата родного языка. Современная когнитология рассматривает «картину мира» как целостный субъективный образ объективной реальности, как результат духовной активности человека, возникающий у него в ходе его контактов с миром» [9, с. 39]. Национально-психологические признаки также оказывают влияние и на отношения между способом мышления и выразительными средствами языка.

Так, птицы являются типичным источником политических зооморфных или орнитологических метафор, входящих в понятийную сферу «мир животных», одну из наиболее традиционных понятийных сфер большинства народов. Приведём пример: «*En épocas de **buitres económicos y halcones de la guerra necesitamos más palomas de la paz**. — Во времена экономических стервятников и ястребов войны нам нужно больше голубей мира*». Хедж-фонды и террористы интерпретируются через концепты «стервятники» и «ястребы», которые обладают отрицательной коннотацией *агрессивность, безжалостность* в силу качеств, присущих этим птицам. В то время как образ государств, стремящихся к миру и благополучию, передаётся через традиционный концепт «голубь мира».

Благодаря подобным ярким метафорическим образам, созданным за счёт персонификации и метафоры сущности (которая, как было сказано выше, рассматривает абстрактное через конкретное), реализуются прагматическая и изобразительная функции (в данном случае являющиеся доминантными), коммуникативная и инструментальная. Персонификация интерпретирует абстрактные понятия через реально существующие объекты и доносит до адресата информацию в несколько упрощённых терминах, доступных его пониманию. Все это наделяет метафорическую модель огромным персуазивным потенциалом и скрытым содержанием.

В речи президента встречаются примеры метафорического переноса на основе метонимии, которая, как правило, выполняет референциальную функцию, то есть замещает одну сущность другой и помогает реципиенту точнее сконцентрироваться на определённых характеристиках обозначаемого: «*dígame **la Asamblea***» — «скажи мне, **Ассамблея**», имя государства вместо членов правительства: «*pedirlo a **la República Islámica del Irán***» — «*потребовать этого от **Исламской Республики Иран***», перенос с части на целое: «*los problemas que hoy tiene **el planeta***» — «*проблемы, существующие сегодня на **нашей планете***». Вместо отдельных государств и народов оратор намеренно использует лексему «планета», подчеркивая тем самым общность существующих в современном мире проблем.

Человек реализует себя в создаваемых им вещах — артефактах, и его созидательный труд является деятельностной концептуализацией мира. Есть множество понятийных сфер, отражающих результаты нашего интеллектуального и физического труда [21, 238 с.]. Рассмотрим примеры структурной метафоры на основе концептов «дом» и «болезнь».

«*Habremos contribuido fuertemente en **la construcción de la paz**. — Мы внесем значительный вклад в **строительство мира***». Дом является важнейшим культурным концептом в человеческом сознании и одним из наиболее популярных образов в политической речи. Политики часто сравнивают начало созидательной деятельности со строительством дома.

В следующем примере вербализируются метафорические модели Аргентина — «больной организм», а дефолт — «болезнь». «*Todo esto los hemos hecho con recursos propios sin acceso al mercado de capitales, porque la Argentina es el **producto del «default» del año 2011 tenía vetado el acceso al mercado de capitales**. — Все это мы сделали за счет собственных ресурсов, не имея доступа к рынкам капиталов, так как для Аргентины, жертвы «дефолта» 2011 года, доступ к рынкам капиталов был закрыт*».

Данная метафора отражает тяжёлую экономическую ситуацию, которую на тот момент переживала Аргентина, и сопровождается концептуальными векторами тревожности и отклонения от естественного порядка вещей, подобно больному организму, развитие страны приостанавливается.

новлено, и она находится в кризисе. Как и в предыдущем примере, в состав концепта входит множество фреймов и сценариев: болезнь, поиск лечения, диагноз, лечение, выздоровление. Приведенные примеры структурных метафор доказывают, что вербализация абстрактных понятий через данный тип концептуальной метафоры является наиболее сложным по своему содержанию.

Итак, в анализируемой речи доминантным оказался онтологический тип метафоры, ориентационные метафоры на основе пространственных концептов стали вторыми по частотности употребления, при этом структурная метафора со всей сложностью своего содержания оказалась наименее употребляемой. В ходе анализа выявлен ряд следующих базовых концептов: «верх – низ», «движение вверх – вниз», «середина», «болезнь», «война», «дом».

Концептуальная метафора, номинирующая различные социально-политические действия и явления, является отражением концептуальной картины мира людей и неотъемлемой частью современного политического дискурса, выступая при этом главным инструментом персуазивности и нередко, манипуляции.

Проведённый нами анализ свидетельствует о том, что политический дискурс – сложное по своей структуре языковое явление, интегрирующее множество экстралингвистических, прагматических и других факторов. В связи с этим когнитивный подход к изучению метафоры, область исследования которого не ограничивается лишь анализом единиц структуры дискурса, служит своего рода мостом к сознанию участников политической коммуникации и его моделированию. Благодаря ему раскрываются когнитивные особенности употребления метафоры как основной ментальной операции, присущей мышлению человека, наблюдается связь и взаимообусловленность языка и мышления. Также отметим, что исследование политического дискурса на основе теории концептуальной метафоры способствует проведению его более детального анализа и расширению области исследования в будущем.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.
2. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрота. Ред. пер. и коммент. Ф. А. Петровского. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 184 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., Советская энциклопедия, 1968.
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: URSS, 2003. – 360 с.
5. Баранов А. Н. Политика как диалог // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 24–35.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009. – С. 139.
7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153–172.
8. Дейк ван Т. Язык. Познание, Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
9. Зеленецкий К. П. Топики / Под ред. В. П. Нерознака // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 34–40.
10. Иовенко В. А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 219 с. – (Серия «Научная школа МГИМО»).
11. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
12. Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 95–104.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
14. Ларионова М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 327 с.
15. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. – 477 с.
16. Мурзин Ю. П. Семантико-когнитивный потенциал лексемы «guetga» в испанской языковой картине мира: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М.: 2011. – 20 с.
17. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68.

18. *Серль Дж.* Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – 512 с.
19. *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 337–383.
20. *Стернин И. А., Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика: монография. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
21. *Фуко М.* Археология знания: пер с фр. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
22. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. университет, 2001. – 238 с.
23. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
24. *Chafe W.* Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in the speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 392 p.
25. DRAE: Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Vigésima segunda edición. – Madrid: Editorial Espasa Calpe, 2001. VV.I –II. – 2368 p.
26. *Habermas J.* Teoría de la acción comunicativa: complementos y estudios previos. –Madrid: Cátedra, 1989. – P. 233–260.
27. *Harris Z.* Discourse analysis//Language, 1952, vol. 28. P.1–30, 474–494.
28. *Discurso de C. Fernández de Kirchner durante la 69 sesión de la Asamblea General de la ONU: URL: <https://www.cfkargentina.com/cristina-kirchner-69-asamblea-onu/>.*